

— Еда пресная, но это воля барина. Если молодой господин хочет еще чего-нибудь, только скажите мне.

Перед отъездом Цзинь Чжунмин наказал: больной слаб, ему нужен покой и легкая пища. Пока не минует сто дней, никакой тяжелой жирной еды. По его приказу на ужин снова подали жидкую рисовую кашу. К счастью, Цзинь Шиань, хоть и был здесь новичком, сумел быстро наладить отношения с низами. А у народа на всякий указ найдется своя лазейка. В итоге на стол подали блюда, которые лишь притворялись постными. Две тарелки закусок в уксусе: зеленые плоды пальчатого цитрона и красные ростки, а в центре — большая круглая чаша роскошной каши. Ее сварили на грибном бульоне, добавив мелко накрошенную ветчину, хрустящие овощи и древесные грибы. На вид — чистейшая вегетарианская еда, а на вкус — божественно мясная.

Цзинь Шиань решил, что тетушка Лю просто мастер своего дела, и уплетал кашу с довольной улыбкой. Вспомнив слова Чжоу Юя, он поинтересовался напарником:

— А где ваш господин Бай?

Тетушка Лю смягчилась:

— Знать, что вы о нем беспокоитесь, — господин уже поел и отдыхает в восточной комнате.

— С ним все в порядке?

— Все хорошо, просто давно вас не видел, вот и расстроился, — тетушка Лю, подливая ему чаю, украдкой вытерла слезы. — Господин, не вините его. Он тогда не нарочно, все эти дни места себе не находил от раскаяния. Мы боялись, что он, увидев вас в таком состоянии, наложит на себя руки, вот и заперли его — он ведь души в вас не чает, зла вам не желал.

Цзинь Шиань усмехнулся про себя. Еда сразу потеряла вкус, он небрежно доел пару ложек и вскочил:

— Понял, пойду к нему.

Лю Янь и Чжоу Юй в испуге начали отговаривать:

— Доели бы сначала, господин Бай еще не спит.

Цзинь Шиань подумал: если я не приду, разве он посмеет уснуть? Но вслух сказал:

— Больше не хочу, сыт. Оставьте мне чего-нибудь перекусить, лучше мяса. — С этими словами он накинул одежду и направился к выходу. Чжоу Юй побежал следом:

— Господин, вы помните, в какой он комнате?

Цзинь Шиань высунул голову обратно:

— В какой?

Все прыснули со смеху, а тетушка Лю ответила:

— В той, что прямо напротив внутреннего двора, там свет горит.

Цзинь Шиань вихрем умчался прочь. В его планах эта встреча должна была стать триумфальным воссоединением, полным надежд. Он уже придумал, как поддразнит Бай Яна — теперь, следуя местным обычаям, он будет звать его Бай Лушэном.

С историей у него всегда было туго, а уж в китайской новейшей истории он был полным невеждой. Попади он в древность, мог бы процитировать пару строк Ли Бо и сойти за интеллектуала, но оказаться в эпохе Китайской Республики — это полный провал. Однако он был коренным жителем Нанкина, с детства впитанный патриотизм никуда не делся, и он прекрасно знал, что ждет этот город в будущем.

Сейчас 1930 год. Через семь лет город захлебнется в крови.

Он не знал, станет ли сам грудой костей в братской могиле. У него оставалось меньше шести лет. Либо он спасет себя, либо — этот мир.

Казалось, небо сжалилось над ним: у него есть статус молодого господина, а его напарник — господин Бай — имеет прочную базу среди людей. Если они объединят усилия, то смогут сколотить капитал и сбежать в безопасный Гонконг. А там — повторить путь Ли Кашина, жениться на звездах кино, как в красивой сказке.

План идеален.

Он шел по садовой дорожке, сердце переполняло ожидание встречи с товарищем, даже луна казалась ярче обычного.

Как выяснилось, он был слишком наивен. Идеалы всегда прекрасны, а реальность — та еще дрянь.

Час спустя он вышел из комнаты Бай Лушэна в подавленном состоянии. Вся встреча была неловкой: они напоминали двух актеров на соседних съемочных площадках, которые говорят каждый о своем: один играет в шпионском триллере, а другой — в Сне в красном тереме.

Бай Лушэн вел себя как одержимый Линь Дайюй, едва увидев его, залился слезами:

— Раз уж ты спас меня, зачем вообще было это делать? Лучше бы я умер.

Ты переигрываешь, — Цзинь Шиань чуть не рассмеялся. Надо признать, комедийный эффект

рождался из новизны: лицо он знал отлично, но этот режим плаксивой Дайюй видел впервые. Бай Ян явно выкладывался на полную!

Раз уж напротив такая искренняя Дайюй, Цзинь Шианю пришлось играть роль Баюя:

— Ну-ну, хватит. Знаю, натерпелся ты, брат рядом, не плачь, будь умницей.

Разве Дайюй успокоится от пары слов? Она разошлась еще сильнее. Услышав это, Бай Дайюй разрыдался еще горше, всхлипывая так жалобно:

— Я не обижен, я просто скучал по тебе.

Цзинь Шиань едва сдерживал хохот. Плачет он, кстати, красиво — как цветы под дождем. Цзинь Шиань знал Бай Яна несколько месяцев и не подозревал, что тот может быть таким утонченным. Если бы не попаданец, он мог бы стать кинозвездой, вызывая у зрителей бесконечную жалость.

Сдерживая смех, он подмигнул Лушэну:

— Группа Хайлун, вилла Цзыцзинь, товарищ, узнаешь?

Хайлун — его компания, а вилла Цзыцзинь — место, где он попал в беду. Это был уже не намек, а прямое указание. Если бы перед ним был Бай Ян, тот давно бы подпрыгнул от радости.

Но собеседник даже не уловил сути, продолжая лить слезы:

— Какая Цзыцзинь, какой Хайлун? Хватит издеваться. Все говорят, ты сошел с ума, а по-моему — нет. Ты просто боишься меня, притворяешься безумным, лишь бы не быть со мной, верно? — Он снова зарыдал: — Зачем тогда было меня спасать?

Цзинь Шиань опешил и махнул рукой:

— Перестань плакать, здесь же никого нет.

От этих слов слез стало еще больше:

— А я что, плачу напоказ?

У Цзинь Шианя возникло нехорошее предчувствие. Он сделал отчаянную попытку:

— Нет, это же я! Я, Цзинь Шиань!

Бай Лушэн посмотрел на него с упреком:

— Я что, не знаю, как тебя зовут?

Цзинь Шиань сопротивлялся до последнего:

— А наше прошлое? Неужели не помнишь? Как мы вместе пили...

Бай Лушэн всхлипнул:

— Разве я хоть что-то забыл? Раньше ты такого не говорил, а теперь попрекаешь!

Цзинь Шиань предпринял последнюю попытку:

— Брат... ты правда не понимаешь, о чем я?

Бай Лушэн сквозь слезы:

— Кто тебе брат? Я тебе не пара!

Цзинь Шиань впал в отчаяние. Он понял, что ошибся человеком. В этом мире действительно могут существовать два одинаковых лица. Этот человек — не его товарищ-попаданец, они просто похожи.

Значит, он подобрал фальшивого напарника. Весь день он играл роль на Оскар, а в итоге — не тот человек! Что это за Бай Дайюй перед ним?

Психика давала трещину.

Бай Лушэн не знал его мыслей, глядя на его меняющееся лицо, он со слезами ухватился за его рукав:

— У тебя ведь все еще есть ко мне чувства, правда?

Цзинь Шиань молчал, мечтая сбежать. Но Бай Лушэн смотрел на него такими глазами — бесконечно жалкий, даже немного милый. Он робко сжимал край его рукава:

— Ты не знаешь, как я жил эти дни, хуже смерти. Другие не давали мне тебя увидеть, не говорили, жив ты или мертв. — Он снова заплакал: — Это я виноват, что мы ссорились. Даже если прикажешь умереть, я согласен, только не оставляй меня!

Видя его слезы, Цзинь Шиань решил подыграть:

— Прости, прости, больше не буду тебя игнорировать. Не плачь, посмотри, как ты похудел, еще заболеешь. — Он вытер ему слезы.

Бай Лушэн опустил глаза, затих на мгновение, а потом снова поднял взгляд, разглядывая Цзинь Шианя. Атмосфера стала подозрительно интимной: красавец при свете ламп, двое мужчин в комнате... Цзинь Шиань осторожно отступил на шаг.

Лушэн тихо спросил:

— Слышал, ты совсем не помнишь того, что было раньше?

— Да, наверное, мозг пострадал от нехватки кислорода, плохо помню.

— Тогда почему ты не забыл обо мне?

Цзинь Шиань покраснел, подумав, что нельзя же признаться, что он ошибся и просто нес чепуху. Он кашлянул:

— Ты... ты не такой, как остальные.

Бай Лушэн тоже вспыхнул и опустил голову. Атмосфера стала еще более странной!

Бай Лушэн прошептал едва слышно:

— Ты просто меня утешаешь. Неужели ты забыл все на свете, кроме того, что меня надо спасти?

Цзинь Шиань почувствовал, что дело пахнет керосином. Он не боялся, что Бай Лушэн полезет целоваться, он боялся, что сам не устоит. Как главный герой, он был не против гарема, но превращаться в гея — увольте. Он поспешно прервал опасный разговор, приняв вид делового человека, занимающегося благотворительностью, и мягко отстранил его руки:

— Правда, ты особенный. Поздно уже, тебе вредно волноваться. Давай завтра поговорим, будь умницей, не плачь, спи, спокойной ночи.

Лушэн оттолкнул его, смущенно пробормотав:

— Разговаривай так, нечего меня за руки хватать.

— ...

Цзинь Шиань испугался и сбежал.

На прощание Лушэн умудрился проводить его до дверей, давая наставления:

— Если пьешь белый чай, попроси тетушку Лю заменить его на пуэр. Серебряные иглы тоже хороши, но сейчас, после ранения, лучше не беспокоить ум.

Цзинь Шианю оставалось только кивать.

Лушэн продолжал:

— Служанки ленивы, ты цветы в вазе менял? В этот сезон, если не поставить османтус, ты не уснешь.

Вас, утонченных мальчиков, вечно тянет на всякую ерунду, — подумал Цзинь Шиань и, боясь услышать что-то еще более странное, почти сбежал.

Вернувшись в комнату, он застал лишь маленькую служанку, которая спала на табурете. Он, не говоря ни слова, рухнул на кровать. Служанка пробормотала что-то про умывание, но он не ответил. Чжоу Юй и тетушка Лю решили, что они снова поссорились, и не стали вмешиваться.

Этой ночью он ворочался, накрывшись одеялом, и вздыхал. Будущее казалось туманным, на душе было тяжело. Ему снилось, что кто-то ходит в его теле: то бывшая девушка, то старые друзья... В голове был хаос, он чувствовал себя узником в глубоком колодце, охваченным огромным чувством одиночества.

Он не был рожден для одиночества, всегда нуждался в друзьях. И раньше, и сейчас. Мысль о том, что он спас незнакомца и теперь заперт в этом дворике, раздражала его еще больше.

Ему хотелось с кем-то посоветоваться, найти родственную душу, пусть даже этот человек был бы с ним ради денег. Но это не мог быть Чжоу Юй, не тетушка Лю и не его дед. Ему нужен был кто-то его возраста.

Он скучал по своим старым друзьям.

После вчерашней неловкой атмосферы Цзинь Шиань боялся, что Бай Лушэн придет к нему, и просидел в комнате все утро. Но от того не было ни звука.

Какой бессердечный цветок! Наверное, все его слезы были игрой!

У него был дурной характер: если его игнорировали, он начинал проявлять любопытство. Раз Бай Лушэн не приходит, он сам решил наведаться в ту комнату, но боялся, что она окажется паучьим логовом, поэтому решил сначала разузнать побольше.

В обед он начал расспрашивать служанку Цуй'эр. Та была самой смышленной:

— Господин, вы спрашиваете нас о господине Бае?

— Я же сказал, что ничего не помню, — Цзинь Шиань почесал затылок. — Вчера, когда я его видел, он плакал, как Линь Дайюй. Не могу же я каждый раз носить с собой платок?

— Господин Бай и правда любит плакать, — Цуй'эр прикрыла рот рукой. — А мы-то вчера видели, что вы вернулись в плохом настроении, и испугались, что вы снова поссорились.

— Мы часто ссоримся?

Цуй'эр помрачнела:

— Если бы не поссорились, не случилось бы того, что было позавчера. Господин Бай слишком мнителен, — она бросила на него взгляд, — да и вы слишком холодны.

Это было интересно. Цзинь Шиань приготовился слушать сплетни.

Оказалось, Бай Лушэн десять лет назад встретил молодого господина Цзиня, который выкупил его из труппы, купил дом на улице Жунчжуан и нанял слуг. Сначала они жили душа в душу, ели за одним столом, спали в одной постели.

Цзинь Шиань представил себе эту картину:

— В одной постели... спали?

Цуй'эр загадочно улыбнулась:

— Это когда были маленькими, потом — нет.

Цзинь Шиань заподозрил, что молодой господин был педофилом, и глубоко сочувствовал Бай Лушэну. Неудивительно, что тот вырос таким странным.

— Продолжай, — сказал он, подливая ей чаю.

Цуй'эр не торопилась:

— В этом году много дождей, чай Хоукуй не очень хорош. Раньше вы жаловались, что он не такой ароматный, а сегодня не придираетесь.

— Да плевать мне на чай, говори быстрее!

Чувства — штука сложная. Если не можешь поддерживать огонь, не стоило его разжигать. Молодой господин Цзинь то ли был слишком занят, то ли охладел, и в последние два года почти не появлялся здесь. Бай Лушэн не мог прийти в особняк Цзиней, а ждать здесь было невыносимо. В итоге при каждой встрече они ссорились: один обвинял в холодности, другой —

в мнительности.

Но это еще не все. Молодой господин завел кучу подружек, перезнакомился со всеми красавицами Нанкина, и те мечтали выйти за него замуж. Для Бай Лушэна это было ударом. В прошлом месяце поползли слухи о помолвке, и Бай чуть не умер от горя. А когда господин приехал, то вместо объяснений предложил отправить Лушэна в Англию.

Цуй'эр добавила:

— Это господин Бай неправ. Женитьба — дело естественное, мы его много раз просили не ссориться из-за этого.

Цзинь Шиань закатил глаза. Хватит уже этих историй про жестокого господина и влюбленного слугу! По сути, это типичная история: поиграл и бросил.

Как мужчина, он понимал увлечения, но если есть любимый человек — нельзя изменять. Он сам пострадал от подобных вещей в прошлом.

Цуй'эр, видя его недовольство, поспешила добавить:

— На самом деле, господин Бай просто гордый и упрямый, но если узнать его поближе — он добрый и нежный. — Она указала на девочку, подметавшую двор. — Видите Шаньху? Она глупенькая, вы не заметили?

Цзинь Шиань был удивлен.

— Ее обманом заманили в бордель, когда ей не было и десяти, заставляли обслуживать клиентов, пока она не сошла с ума. Господин Бай нашел ее у реки, где она ела отбросы, и забрал к себе. Он оплатил лечение, и теперь, если не приглядываться, и не скажешь, что она была безумна.

Цзинь Шиань проникся уважением к Бай Лушэну. Это был достойный поступок.

— Больше не говорите об этом, — сказал он Цуй'эр.

Та улыбнулась:

— Вы боитесь, что кто-то узнает, что она была проституткой? А что в этом такого? Мы все из тех мест, господин Бай нас выкупил.

Цзинь Шиань был поражен: оказывается, все служанки здесь были спасены Бай Лушэном из борделей.

— Он постоянно занимается спасением падших женщин, хозяйки борделей его не бьют?

Цуй'эр покачала головой:

— Господин Бай — такой же, как мы, он прошел через этот ад, поэтому его сердце чисто. Он любит вас не ради денег, а искренне.

Эти слова перевернули все в душе Цзинь Шианя. Его неприязнь к Бай Дайюй исчезла, сменившись уважением. Он привык к жестоким людям, и этот странный, жеманный, но благородный человек казался неплохим напарником.

Он молча направился в кабинет. Тетушка Лю, придя за посудой, нахмурилась:

— Я просила тебя подать обед, а ты тут чай распиваешь?

Цуй'эр, думая о словах господина, ответила:

— Господин все-таки мягкосердечен. Расспрашивал меня о господине Бае. Может, он передумал.

Тетушка Лю помрачнела:

— Это не твое дело. Если старый господин узнает, он убьет господина Бая. Если бы молодой господин тогда не заступился, где бы мы все сейчас были?

Цуй'эр огрызнулась:

— Не надо ля-ля, все знают, что это дядя Чжоу проболтался, испугавшись за себя, и подставил господина Бая. Теперь вините нас?

<http://bllate.org/book/19790/1950111>